

О.В. Меан

O.V. Mean

ДВА МИРА (ВОКРУГ КОНЦЕПЦИИ «ИТАЛЬЯНСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ» В.В. РОЗАНОВА)

TWO WORLDS (AROUND THE CONCEPT OF "ITALIAN IMPRESSIONS" BY V.V. ROZANOV)

В статье выявляется и анализируется одна из ключевых составляющих концепции рассматриваемой книги – мысль о взаимопроникновении и теснейшем симбиозе языческих и христианских начал как самоочевидной характеристике итальянской цивилизационной (культурно-религиозной) реальности, включая современный фазис ее существования. Неотчуждаемая от творческого сознания В.В. Розанова коллизия язычества и христианства именно на итальянской почве обретает характер очевидности, сущего положения вещей, подтверждается массой фактов, непосредственно созерцаемых. А это, в свою очередь, дает стимул для иного впечатления – чуждости романо-католического мира миру славянскому и русской душе. Тем самым в книге намечается перспектива перехода Розанова из «неохристианского» в итоговый «консервативный» фазис своей творческой деятельности, что дополнительно свидетельствует об этапном характере данного «незнаменитого» произведения.

Ключевые слова: В.В. Розанов, язычество, христианство, католицизм, противоречивая действительность, консерватизм писателя.

The article identifies and analyzes one of the key components of the concept of the book under consideration – the idea of the interpenetration and the closest symbiosis of pagan and Christian principles as a self-evident characteristic of the Italian civilizational (cultural and religious) reality, including the modern phase of its existence. Inseparable from the creative consciousness of V.V. Rozanov, the collision of paganism and Christianity precisely on Italian soil acquires the character of evidence, the actual state of things, is confirmed by a mass of facts directly contemplated. And this, in turn, gives an incentive for a different impression – the alienness of the Roman Catholic world to the Slavic world and the Russian soul. Thus, the book outlines the prospect of Rozanov's transition from the "neo-Christian" to the final "conservative" phase of his creative activity, which additionally testifies to the staged nature of this "unknown" work.

Key words: V.V. Rozanov, paganism, Christianity, Catholicism, contradictory reality, conservatism of the writer.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-53-56

Как верно подмечено серьезными исследователями творчества В.В. Розанова, «"Итальянские впечатления" – далеко не главная [его] книга, и странно было бы искать здесь каких-то прорывных новаций в плане содержания и формы» [7, 18].

И тем не менее, при прочтении «Итальянских впечатлений» возникают вопросы, требующие рассмотрения. Каким образом заметки, созданные русским писателем и мыслителем в начале XX века на пике его творческого сотрудничества с кружком

Мережковских и полностью отвечающие модернистской идеологической направленности, смогли послужить (после переиздания в виде отдельного сборника в 1909 году) началом для серии розановских книг явно консервативного и патриотического толка?

Как понимать вопиющее несогласие в восприятии одного и того же текста российской и итальянской критикой того времени? Как известно, в подавляющем большинстве русских рецензий на «Итальянские впечатления» проводится мысль, что «Розанов, побывав в Италии, не увидел ее, и по его индивидуальным впечатлениям невозможно составить адекватного представления об итальянской... жизни и культуре» [7, 19]. И вместе с тем, как вспоминает современник и коллега писателя Ю. Беляев, «...в иезуитском "Voce della Verità" («Голосе Истины». – О.М.)... удивлялись... тому, как быстро и ясно усвоил русский писатель дух католического богослужения» [1, 3]. Такое серьезное заявление римского духовенства – только ли «политического» комплимента ради?

Можно ли объяснить неоднозначность произведения ставшей уже притчей во языцех внутренней противоречивостью философа, настолько вопиющей, что «теперь пишущая братия по преимуществу отказывается видеть в его сочинениях что-либо объективно значимое, достоверное, выходящее за грани авторского самовыражения» [7, 21]?

Исторически все выглядит именно так, но возникает мысль, а не стало ли это противоречие честным, «зеркальным» отображением автором, уже на первых страницах обещавшим читателю правдивость [5, 92–93], некоей весьма противоречивой действительности. Реальности, которая, через годы осмысления, может служить одной из причин, побудивших Розанова отказаться от прежних убеждений в пользу национально-консервативной позиции.

В связи с этим обращает на себя внимание одно из самых сильных «впечатлений», привезенных Розановым из итальянской поездки, а именно теснейшее соприкосновение языческого и христианского мировоззрений, присущее итальянской культуре и ментальности.

С этой национальной особенностью сталкивался любой путешественник, посетивший Апеннинский полуостров. Еще в XIX веке на нее обращал внимание знаменитый русский «итальянец» поэт Аполлон Николаевич Майков (кстати, один из корреспондентов и идеологических ориентиров «раннего» Розанова – «живого» консерватора). В предисловии к последнему изданию трагедии «Два мира» Майков писал: «Давно, еще в моей юности, меня поразила картина столкновения древнего греко-римского мира, в полном рассвете начал, лежавших в его основании, с миром христианским, принесшим с собою новое, совсем иное начало в отношениях между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее...» [2, 149]. Это впечатление оказалось настолько сильным, что легло в основу замысла произведения, названного Д.С. Мережковским главным в творчестве Майкова и одним из самых значимых в русской литературе в целом [4, 483–485]. Да и сам автор, посвятивший творческой переработке трагедии годы, отмечал: «Может быть, многим покажется странным, что человек чуть не всю свою жизнь возится с одною художественною идеей или, по крайней мере, столько раз к ней возвращается. Но, видно, я следовал инстинкту, подсказывавшему мне, что лучше сделать что-нибудь одно, да "по мере сил"» [2, 150].

Этот же факт взаимного проникновения двух начал – языческого и христианского – мы находим на страницах «итальянской» новеллы Анатоля Франса «Святой сатир», так кстати переведенной на русский язык Мережковским [3, 452–518], на творчество которого французский писатель оказал большое влияние.

И естественно, что феномен контаминации язычества и христианства в культурно-цивилизационном пространстве Италии просто не мог не обратить на себя внимание Розанова. Розанов, собственно, и приехал в Италию с миссией узнать «...как? что? горит ли там энергия? Есть ли "вера, надежда, любовь", говоря восточною фразеологией?» [5, 83]. В «Итальянских впечатлениях» мы видим этому множество подтверждений.

Уже первая встреча с южной итальянской природой вызывает в воображении писателя грезы о некогда существовавшем полусказочном мире древнегреческой

Посейдонии, о мире, где «и солнце, и люди, и колонны храмов – все связывалось в единое целое, еще без греха и зависти...» [5, 84], о мире дохристианском, то есть языческом.

Но впечатления Розанова не ограничиваются пейзажем. Так, рассматривая лица священников на мессе в храме Св. Петра, он невольно отмечает их характерное сходство с лицами властительных предков: «Ну, дьяволы, точно воскресли!» – «Да, но мы теперь христиане и в христианстве так же сильны, как были сильны в язычестве!» [5, 87]. Или, допустим, прямо на пасхальном служении Розанов признается: «...гудящие голоса, порывистые движения, гордые лица, какая-то бронза и чугун духа вдруг заставили меня затрепетать: "Да это те... десять тысяч жрецов Ваала, которых привела с собой Иезавель"» [5, 93]. Освещенный электричеством Колизей предстает взору писателя как «Содом и Гоморра в сернистом огне» [5, 92], а с храмом Santa Maria in Cosmedin соседствуют поражающий простотой и древностью храм Весты, теперь посвященный Деве Марии, и храм Януса четырехликого (Quadrifrontis) с воздвигнутым сверху крестом.

«Все умерло, кроме христианства» [5, 104–105], – заключает мыслитель, но фантом язычества не отступает, проявляясь то в орнаменте храмов, несущем идею «святой природы» (Sancta Natura) [5, 107], то в шаге монахинь («эти как древние весталки, они ни перед кем не сворачивают» [5, 120]), то в ликах легендарных Сивилл Микеланджело, воплотивших в себе «концепцию языческого пророчества». «Пять кошмаров», – назовет их Розанов, – брошенных «на потолок Сикстинской капеллы» [5, 125]. Язычество в самом сердце Ватикана...

Это сосуществование априори несоединимого приводит к взаимному влиянию. «Гладиатор», «произведение чисто христианское, хотя и изваянное в языческом мире» [5, 157], соседствует с «Моисеем» Микеланджело, который «опять уходит назад, в древность, в язычество» [5, 161]. Христианство в языческом и язычество в христианском.

Писатель честно описывает свои смешанные чувства: жажда познания и восторг от созерцания красоты порой сменяются страхом. Так, в помпейском храме Аполлона (храме Солнца) аура язычества настолько сильна, что на ум христианина невольно приходят слова любимой детской молитвы «Да воскреснет Бог и расточатся врази его», читаемые как защита от нечистой силы [5, 204]. И целая галерея скульптур в музеях Ватикана – почти лишенных индивидуальных и гендерных черт Аполлонов и Юнон, созданных греками в попытке приблизиться к познанию «Невидимого Бога», и ряд изображений животных, навевающих мысли о «сатирах и сиренах, полубогах, полулюдях, полуживотных» [5, 141], и изящные украшения из Тира и Карфагена – все это побуждает писателя сказать: «...и чудный узорный ум, и характер – уже вовсе не наш! И все – не наше! И боги, и наряды, и жизнь, и человек!» [5, 141].

Уже тогда, в начале XX века, эта мысль о непригодности «итальянского» пути развития для славянской души, подспудно звучащая, кстати, и в знаменитых романах Д.С. Мережковского [6, 135–136, 153–154], возникает у Розанова, чтобы позже, к 1909 году, оформиться в зрелое убеждение литературного и общественного деятеля. Не случайно повторной публикации «итальянских впечатлений» под одной обложкой предшествовала серия очерков 1907 года о розановских «впечатлениях на Волге» под общим заглавием «Русский Нил» [5, 329–407], где также проявлена неотступно манившая Розанова тема о контаминации языческих и христианских начал, но обозреваемая уже исключительно в «русском» ракурсе, в свете текущих национальных потребностей. Не случайна и начавшаяся именно в 1909 году – в год выхода «Итальянских впечатлений» – распря Розанова с «былыми друзьями» круга Мережковских относительно перспектив «нового религиозного сознания» в России [7, 21–22].

Насколько основателен был Розанов в своих «итальянских» выводах более чем вековой давности, свидетельствуют и современные интеллектуальные импульсы в теологической и смежной с нею среде Италии. Замечательной иллюстрацией текущего положения вещей может служить изданный католическим издательством Edizioni Studio Domenicano сборник тезисов международного семинара «Истина и тайна между греко-

романской традицией и мультикультурализмом поздней античности», состоявшегося в Болонье при поддержке старейшего европейского университета в апреле 2008 года. В предисловии к книге содержатся положения, характеризующие основные тенденции развития западноевропейской религиозно-философской мысли начала XXI века.

Вот лишь некоторые постулаты, наиболее интересные в свете избранной темы (перевод и курсив в цитатах наш. – О.М.):

– «все понятия, относящиеся к Сверхъестественному, *одинаково* достойны принятия и не проверяются, не рассматриваются согласно критерия правдивости» [8, 9–10];

– «в колебаниях между попытками уравнивания и восхвалением субъекта, отождествляемого с его перцептивными реакциями, между фундаментализмом и релятивизмом, *истина больше не имеет значительной ценности*» [8, 10];

– «высокая роль, принятая на себя спиритуализмом и символизмом, могущими послужить подтверждением возможности ассимиляции всего многоцветия в едином горизонте, в *единой религиозной космополитической структуре*, соединяя множество и единство, очерчивает *образ смутный, совершенно неопределяемый*» [8, 10–11];

– «в современном обществе констатируется присутствие некоей религиозности, определенного религиозного чувства, *свободного от... связей с какой-то конкретной религией*» [8, 10].

Очевидно, что религия здесь уже не рассматривается как догма или как форма духовного поиска окончательной истины, но лишь как культурный феномен, в своем развитии последовательно проходящий через стадии политеизма, генотеизма и еврейского монотеизма к триединому монотеизму христианства [8, 11]. И в этом контексте совершенно не удивляет «возникновение в религиозной сфере таких терминов, как неопанизм и неополитеизм» [8, 11].

Разумеется, процитированный источник воспроизводит типичные формы и нормы современного либерально-экуменического мышления, слабо коррелируя со стилистикой теологических подходов начала прошлого столетия. Но применительно к Розанову нельзя не отметить, что запечатленный им в «Итальянских впечатлениях» феномен взаимопроникновения, даже теснейшего симбиоза языческих и христианских начал, определяющий специфику культурно-религиозного сознания романской цивилизации, есть своего рода объективная данность, становящаяся, к тому же, платформой для резиняций разного качества, самопроизвольно «возрождающихся» и обновляющихся от века к веку.

1. Беляев Ю.Д. О Розанове // *Новое время*. 1909. № 11954.

2. Майков А.Н. Соч.: в 2 т. М., 1984. Т. 2.

3. Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 4.

4. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Подгот. текста, послесл. М. Ермолаева; Коммент. А. Архангельской, М. Ермолаева. М., 1995. (Прошлое и настоящее).

5. Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полн. собр. путевых очерков 1899–1913 гг. М., 1999.

6. Сарычев Я.В. Религия Дмитрия Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение: Монография. М., 2017.

7. Сарычев Я.В. Возвращение «домой»: феномен «Итальянских впечатлений» В.В. Розанова // *Верхневолжский филологический вестник*. 2019. № 4(19). С. 17–23.

8. Mazzanti Angela M. (ed.) *Verità e mistero nel pluralismo culturale della tarda antichità*. Bologna, 2009.